

ИПОСТАСИ ПОЛИТИЧЕСКОГО В STS: ОТ ФЕЙЕРАБЕНДА ДО АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

**Петрухина Полина
Сергеевна** – аспирантка.
Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова.
119991, г. Москва, ГСП-1,
Ломоносовский проспект,
д. 27, корп. 4;
e-mail: [polina.petrukhina@
gmail.com](mailto:polina.petrukhina@gmail.com)



Политическое измерение научной деятельности является одной из ключевых тем в исследованиях науки и техники (STS). При этом «политическое» в STS может выступать в двух разных, хотя и часто дополняющих друг друга ипостасях: как объект исследования и как источник концептуальных метафор. В первом случае политика, понимаемая буквально как совокупность определенных социальных отношений, связанных с публичной сферой и распределением властных ресурсов, практически неизбежно фигурирует при обсуждении любых вопросов, касающихся места и роли науки в обществе и государстве. Во втором случае сфера политического выступает уже не столько объектом изучения, сколько источником новых понятийных инструментов STS. Работы П. Фейерабенда позволяют наглядно различить эти два способа интеграции политического в исследования науки. Так, его концепция эпистемологического анархизма получена путем переноса понятия анархизма из политического дискурса в философский, тогда как обращение к проблемам демократии в науке и обществе служит примером использования политического как объекта исследования наряду с собственно наукой. В статье предлагается проследить различия и смысловые взаимосвязи между этими двумя ипостасями политического и стратегиями их включения в исследования науки и техники от Фейерабенда до современных направлений STS, в частности проектов на базе акторно-сетевой теории. Обсуждаются примеры развития проблематик, поднимаемых Фейерабендом, и специфика обращения к ним в современных проектах, а также политическое измерение самих STS. Особенное внимание уделяется проектам Б. Латтура, Дж. Ло и А. Мол и понятию онтологических политик, в которых разворачиваются сложные формы гибридизации политики как объекта и инструмента исследования, а также дескриптивного и прескриптивного исследовательских режимов.

Ключевые слова: эпистемологический анархизм, онтологические политики, STS, метод, множественные онтологии, перформативность, политическое, АСТ, пост-АСТ, практики

FACES OF POLITICS IN STS: FROM FEYERABEND TO ACTOR-NETWORK THEORY

Polina S. Petrukhina –
PhD Student.
Lomonosov Moscow State
University
GSP-1, 27-4 Lomonosovsky Ave,
Moscow 119991, Russian
Federation.

The political dimension of science is one of the major topics in STS. The “political” there has two distinguishable, although often complementary, faces: it can be considered as an object of study, as well as a source of conceptual metaphors. In the first case politics, understood literally as a domain of particular social relations concerning the public sphere and the distribution of power resources, is inevitably involved in the discussions of any



e-mail: polina.petruhina@gmail.com

issues related to the science's role and place in the society and the state. In the second case the sphere of politics is no longer a mere object of study but a field where new conceptual instruments for STS can be found or created. P. Feyerabend's works allow to distinguish and illustrate these two ways of engaging the political in STS. His concept of epistemological anarchism is the result of metaphorical transition of the notion of anarchy from political discourse into philosophical one, while his referring to the problems of democracy in science and society is an example of using politics as a research object along with the science itself. The paper traces both the differences and conceptual relationships between these two faces of politics in STS from Feyerabend to some of the present-day approaches such as actor-network theory. Examples of the development of the issues raised by Feyerabend and the specifics of addressing them in modern projects, as well as the political dimension of the STS themselves are discussed. Particular attention is paid to the projects of B. Latour, J. Law and A. Mol and the concept of ontological politics, which comprises various complex forms of hybridization of politics as both an object and a tool of research, as well as of descriptive and prescriptive research modes.

Keywords: epistemological anarchism, ontological politics, STS, method, multiple ontologies, performativity, political, ANT, post-ANT, practices

Введение

Подводя итог своей программной работы «Против метода», П. Фейерабенд пишет о необходимости отделения государства от любой формы производства знания, прежде всего от науки. Лишение эксклюзивной политической власти «этого наиболее современного, наиболее агрессивного и наиболее догматического религиозного института», по Фейерабенду, является единственным путем к формированию свободного общества и достижению истинного гуманизма [Фейерабенд, 2007, с. 295]. Радикализм этого тезиса для современных читателей, знакомых с STS-проектами¹, вызван не только эмоциональными эпитетами, которыми не стесняется наделять науку Фейерабенд, но также и тем, что сейчас мы в гораздо большей степени, чем в 1975 г., представляем всю неоднозначность тесного переплетения науки как с государством, так и со сферой политического в целом. Политическое обнаруживает себя как в научных практиках, так и в их интерпретациях. На разных уровнях и в разных режимах своего включения в разговоры о науке политическое ставит перед STS-исследователями, учеными и другими акторами, вовлеченными в научную деятельность, вызовы разного рода. Одним из них была критика за игнорирование политической

¹ Аббревиатура, принятая для обозначения комплекса междисциплинарных исследований науки и техники (Science and Technology Studies), имеющая вариант альтернативного прочтения (Science, Technology and Society).



проблематики в STS в связи с акцентом на дескриптивных исследованиях и избеганием прескриптивного исследовательского модуса. Это избегание выражается в отсутствии эксплицитной политической позиции, а также критической и оценочной установки по отношению к роли научных и технических разработок в распределении власти, поддержании тех или иных форм общественного порядка и исключении тех или иных акторов из публичного дискурса [Winner, 1993]. Однако, хотя у подобного рода критики есть свои основания, было бы некорректно утверждать, что политическое полностью игнорируется в классических работах STS, а в более современных исследованиях политическим аспектам часто уделяется особое внимание, например в вопросах демократизации науки и технологий [Бычкова, 2020, с. 16–17].

Чтобы разобраться с непростыми взаимоотношениями политического и STS, стоит зафиксировать возможные стратегии интеграции политического в его различных ипостасях в исследования науки, техники и общества. В данной статье предпринимается попытка выделить стратегии и картографировать точки и формы вхождения политического в STS, а также проследить пути их развития. Наибольшее внимание уделяется возможности гибридизации выделенных стратегий и ипостасей политического на примере проектов, относящихся к акторно-сетевой теории (АСТ).

Отправным пунктом для предпринимаемого анализа служат работы открывающего данную статью П. Фейерабенда, поскольку в его философии наглядно представлены две выделяемые ниже стратегии вовлечения политического в исследования науки и общества.

Таким образом, в задачи настоящей статьи входит:

- различить и описать две возможные стратегии интеграции и соответствующие им ипостаси политического в исследованиях науки и техники на материале работ П. Фейерабенда;
- в общих чертах наметить особенности проявления этих стратегий и ипостасей в современных STS;
- рассмотреть возможности гибридизации выделенных стратегий и ипостасей на примерах работ (пост-)АСТ².

² Наименование «акторно-сетевая теория» является довольно проблематичным и критиковалось даже собственным автором [Латур, 2017]. Дж. Ло и А. Мол, причисляемые к данному направлению, практически не идентифицируют себя с АСТ, а при отсылках к ней фокусируются на ее переосмыслении и трансформациях в собственных работах. Так, уже в 1999 г. тематический номер журнала *The Sociological Review* носит название «АСТ и после», где Ло и Мол делают акцент именно на «после» [Law, 1999; Mol, 1999]. В связи с этим их работы иногда характеризуют как пост-АСТ [Gad, Jensen, 2010]. В данной статье для обозначения группы трех исследователей (Латур, Ло, Мол) используется компромиссный термин (пост-)АСТ, позволяющий сохранить уже привычно наименование и включить в него проекты, рефлексиирующие над первоначальными установками АСТ и модифицирующие их.



Фейерабенд: политическое как объект и как инструмент исследования

Интеллектуальное наследие Фейерабенда можно разделить на две части. Первую составляет его концепция эпистемологического анархизма, выраженная в методологической максиме «все дозволено». Кроме того, Фейерабенд известен своим радикальным релятивизмом. Его доводы в защиту эпистемического равенства различных мировоззренческих традиций или идеологий [Фейерабенд, 2010] составляют вторую часть теоретического наследия философа. Выделение этих двух направлений в философии Фейерабенда довольно условно, поскольку достижение равенства традиций возможно только путем принятия обществом установок эпистемологического анархизма, ведущего к уже упомянутому выше отделению науки от государства и воспитанию открытости различным точкам зрения. К тому же оба этих направления мысли Фейерабенда сочетают в себе обсуждение методологических и эпистемологических вопросов с элементами политического дискурса. Однако политическое в них привлекается в разных ипостасях и для разных целей.

В контексте релятивизма Фейерабенд обсуждает проблемы соотношения науки и демократического устройства общества, затрагивая такие вопросы, как роль науки в государстве и принятии решений, научный элитизм, вырождение современного общества в экспертократию [Feuerabend, 1980; Фейерабенд, 2010]. В этих обсуждениях наука и политика предстают как взаимосвязанные, но все же различные сферы жизни общества и отдельные объекты исследования. Описание аспектов социально-политической жизни (общественное устройство, идеологизация, принципы принятия решений и механизмы гражданского участия в этих процессах и контроля над ними) фигурируют наряду с методологическим анализом процессов познания и оценкой социальной роли науки, рассматриваемой не изолированно, а в связке с широким полем социальных практик. Такое привлечение политического в исследования науки и общества составляет первую из выделяемых в данной статье стратегий (стратегия 1). В ней политика понимается буквально, в устоявшемся значении совокупности социальных отношений, связанных с публичной сферой и распределением властных ресурсов. Политическое выступает здесь в качестве объекта исследования наряду с наукой.

Вторая стратегия (стратегия 2) опирается в большей степени на метафорическое истолкование элементов политического, которые переключиваются из обсуждений сферы социального устройства и принятия решений в иные смысловые плоскости. В случае Фейерабенда это сфера методологии познания. В стратегии 2 политическое из объекта исследования становится его инструментом, выступая



источником концептуальных метафор, позволяющих высветить новые смыслы исследуемого объекта. Эта стратегия применяется Фейерабендом в формулировке его концепции эпистемологического анархизма. Фейерабенд открыто возражал против отождествления своего проекта с политическим анархизмом³, подчеркивая независимость и самостоятельность позиции эпистемологического анархизма. Заимствуя понятие из политического дискурса для решения методологическо-эпистемологических задач, Фейерабенд отбрасывает смыслы, связанные с буквальным пониманием политики (отсылки к определенному типу общественного устройства, отношение к государству, структуры принятия решений, революционная установка на разрушение определенной формы жизни). В результате анархизм выхолащивается до абстрактного внеполитического принципа неприятия господства высшего безусловного авторитета и в таком виде переносится в новый контекст.

В полученной философской концепции анархизма, служащей новым целям анализа методологии познания, под отрицание попадает концепция единого научного метода, опирающегося на идею рациональности, и господство науки, отождествленной с этим методом, над другими формами мысли и производства знания. Связь с политическим прошлым эпистемологического анархизма поддерживается, например, отсылками к Кропоткину [Фейерабенд, 2007, с. 40, 302], однако редкость этих упоминаний в тексте книги скорее подчеркивает ослабленный характер этой связи.

Кроме содержания понятия меняется также и модальность функционирования анархизма. Если в политике анархизм фигурирует преимущественно как регулятивный идеал, при помощи которого его теоретики рисуют желаемый образ социальной действительности, то анархизм Фейерабенда в равной степени работает как в прескриптивном, так и в дескриптивном режиме. В анализе конкретных исторических примеров (в частности, кейса Галилея) анархизм обнаруживает себя как действительное устройство научных практик в противовес упрощенному образу науки, навязываемому идеологией рационализма и сциентизма, демонстрируя, что «идея метода, содержащего жесткие, неизменные и абсолютно обязательные принципы научной деятельности, сталкивается со значительными трудностями при сопоставлении с результатами исторического исследования» [Там же, с. 42].

³ С одной стороны, Фейерабенд выражал личное неприятие политического анархизма, который сам по себе не представлялся ему убедительной политической идеологией [Фейерабенд, 2010, с. 188–189], с другой стороны, он критиковал популярную форму «просвещенного» политического анархизма за альянс с рационализмом и сциентизмом [Фейерабенд, 2007, с. 187–188].



Уже в споре с рационалистами, как внутри науки, так и за ее пределами, включается прескриптивный режим. В первом случае эпистемологический анархизм защищается Фейерабендом как единственный способ достижения научного прогресса и, следовательно, неотъемлемая черта научного познания. Во втором случае Фейерабенд критикует авторитаризм и привилегированность позиции современной науки, занимающей место официальной идеологии и единственного основания для санкционирования общественно значимых решений. Здесь переосмысленный анархизм в своем новом эпистемологическом обличье возвращается на «родину» – в сферу политики в буквальном ее понимании, фигурирующей уже как объект исследования. Эпистемологический анархизм, полученный в результате концептуальной метафоры, должен, согласно Фейерабенду, привнести в политику-объект истинный гуманизм, гарантируя предоставление всем традициям равных прав и равных возможностей развиваться и быть услышанными.

Таким образом, философское наследие Фейерабенда дает материал для демонстрации работы двух стратегий по вовлечению политического в исследования науки и функционирования двух ипостасей политического, соответствующих этим стратегиям (политическое как объект исследования и как источник пополнения его теоретического аппарата путем метафорического переноса). Стоит отметить, что способов, какими политическое попадает в исследования науки, может быть и больше. В частности, в качестве точки вхождения можно выделить политический контекст, в который погружены сами авторы-исследователи, и их собственные политические установки⁴. Однако данная статья сосредоточена на более эксплицитных формах намеренного включения политического в исследования самими авторами. Ввиду этой намеренности представляется уместным называть данные варианты интеграции политического в STS стратегиями. Тем не менее одна из неявных форм политического в STS – политическое измерение самих этих исследований – также будет рассмотрена ниже.

⁴ Хотя анализ политических установок самого Фейерабенда выходит за рамки настоящей статьи, его стремление отмежеваться от политического анархизма в сочетании с приверженностью идеалам свободного общества и прослеживаемыми симпатиями к либерализму может представлять интересный кейс для исследования форм неявного вовлечения политического в философию науки и STS.



Современные STS: модификации стратегии 1 и политики-объекта

Предпринятое выше различие стратегий вовлечения политического в исследования науки представляется удачным инструментом для анализа сложных хитросплетений политики, науки и теоретико-концептуального аппарата в более широком поле социальных исследований науки и техники. Так, стратегия 1 является одним из ключевых направлений STS с самых ранних этапов формирования этого дисциплинарного поля. Фокусируясь на включенности научной деятельности и научного знания в многообразие социальных практик и осуществляющих их акторов, исследователи не могли обойти вниманием сферу политического. Начиная с программной работы С. Шейпина и С. Шеффера, вскрывающей политическое измерение полемики между Гоббсом и Бойлем о вакууме и воздушном насосе [Shapin, Sheffer, 1985], политическое как объект в STS почти столь же вездесуще, как и, собственно, наука или техника. Влияние данной исследовательской оптики STS, высвечивающей неразрывную связь науки и политики, распространилось и на философию, где обсуждается возможность политической философии науки [Касавин, 2015; Бажанов, 2023].

Однако в различных работах стратегия 1 реализуется по-разному, претерпевает изменения, связанные прежде всего с модусом или режимом исследования. Так, О.В. Бычкова, вслед за С. Фуллером, выделяет «первую» и «вторую» лиги STS в зависимости от расшифровок аббревиатуры. Если *Science and Technology Studies* как академическая дисциплина изначально были нацелены на нейтральный дескриптивизм, то представители движения *Science, Technology and Society* выступали не столько как исследователи, сколько как активисты, стремясь привлечь внимание к негативным последствиям технологий и изменить к лучшему взаимоотношения между наукой, технологиями и обществом [Бычкова, 2020; Fuller, 1993]. Однако если подобное разделение на «дескриптивистов» и «прескриптивистов» в STS было оправданным в 1990-е, то сейчас грань между этими двумя модусами уже не столь очевидна. Современные *Science and Technology Studies* пробуют переходить в прескриптивный режим, за игнорирование которого их критиковали представители *Science, Technology and Society*⁵.

Этот переход происходит, в частности, в анализе соотношения господствующей роли науки в современном обществе и идеалов демократического устройства. Разрабатываемая еще Фейерабендом, в современной повестке эта проблема выражается в вопросах о роли

⁵ См. критику Л. Виннера [Winner, 1993].



экспертного знания и соотношении участия экспертов и неэкспертов (граждан) в принятии общественно значимых решений. Дополнительная сложность в обсуждении создается взаимоотношениями самих STS и политики, формирующими политическое измерение данных исследований. Сами исследователи науки выступают как «эксперты по экспертизе» [Collins et al., 2017], становясь, во-первых, непосредственной частью объекта собственного изучения, а во-вторых, производя своей работой определенные политические следствия, оказываясь задействованными в политику как объект, равно как и прочие ученые. По аналогии с Фейерабендом, можно наблюдать переход в рамках стратегии 1 из чисто дескриптивного режима в прескриптивный. Однако в случае STS можно обсуждать не только возможные и предпочтительные, но и уже имеющие место в реальности политические следствия их проектов. Наиболее обсуждаемые из этих следствий связаны с наследием научных войн, рефлексии над которыми можно найти в дискуссиях о вкладе STS в формирование режима постправды в политике и кризиса доверия науке и экспертам в обществе [Sismondo, 2017; Collins et al., 2017].

Значительная часть исследователей признает за STS вину в подрыве общественного доверия ученым и экспертам и демонстрирует обратное стремление обосновать позиции науки в обществе, однако сделать это, в отличие от критикуемых Фейерабендом рационализма и сциентизма, с учетом всего багажа социальной нагруженности научных практик, выработанного STS. Например, Н. Орескес переворачивает тезис о консенсусной природе знания из слабого места науки (научное знание есть лишь продукт соглашения между группой ученых) в ее сильную сторону, делая из нее аргумент в пользу доверия науке (сложность механизмов достижения этого консенсуса настолько велика, что их успешное прохождение свидетельствует о силе полученного знания) [Oreskes, 2019].

Таким образом, STS сами оказываются задействованы в политических практиках и отношениях в качестве их актора, беря на себя ответственность за решение проблемы «как использовать советы экспертов, при этом не скатываясь в технократию, с одной стороны, и не подпитывая нежелательные популистские настроения, с другой»⁶ [Collins et al., 2017, p. 584]. Эту активность, направленную на формирование политических следствий STS, можно назвать разворачиванием их политического измерения вовне через модификацию стратегии 1 (STS сами становятся частью политики-объекта). Схожие процессы можно наблюдать и проектах, связанных с акторно-сетевой теорией, где также делается акцент на действии, активности

⁶ В оригинале: “By explaining the nature of knowledge, STS provides an answer to the long-standing and now urgent problem of how to use expert advice without either promoting technocracy or giving comfort to undesired populist sentiments”.



исследования, но с применением уже не только стратегии 1, но и стратегии 2.

Гибридизация стратегий и ипостасей политического в (пост-)АСТ

Вторая, метафорически-инструментальная ипостась политического наиболее ярко проявляется в работах представителей акторно-сетевой теории, и прежде всего в работах ее лидера Бруно Латура. В целом традиция (пост-)АСТ демонстрирует, пожалуй, наибольшее эксплицитное привлечение элементов политического среди всех подходов в STS, а Латура можно по праву считать рекордсменом в заимствовании понятий из политического дискурса. Парламент вещей, Конституции, разделение властей, институт представительства и, собственно, политика – лишь немногие примеры политической терминологии в новом амплуа, фигурирующие в его работах. При этом переосмысление и использование инструментов политического дискурса сопровождается переосмыслением политики как объекта и установками на ее модификацию. Вслед за Г. Харманом можно сказать, что Латур пересобирает не только социальное, но политическое [Harman, 2014]. Поскольку, как демонстрирует Харман, полный анализ использования Латуром политического может занять целую книгу⁷, данная статья ограничивается лишь несколькими примерами, в первую очередь определением науки через политику. Кроме работ Латура в оставшейся части статьи будет рассмотрено понятие онтологических политик, введенное Джоном Ло и Аннмари Мол.

Обе эти группы примеров демонстрируют интеракции и практически полное слияние двух выделенных выше стратегий, где нельзя однозначно ответить на вопрос, имеем ли мы дело с метафорой или буквальным описанием положения дел. Ввиду неоднозначности использования политического в (пост-)АСТ (которое не может быть истолковано как всего лишь метафора, поскольку политические концепты здесь не столь явно очищены от своего политического прошлого, по сравнению с анархизмом Фейерабенда), ситуация становится достаточно деликатной. Если в рассмотренных выше проектах STS и философии науки привлечение политического как прежде всего объекта исследования в рамках стратегии 1 не вызывает вопросов (поскольку взаимосвязь науки и политики воспринимается как устоявшийся факт), то экспансия политического в такие фундаментальные области философии, как эпистемология и онтология,

⁷ Подробнее о политическом у Латура см., например, специальный выпуск журнала *Perspectives on Science* [Seguin, Vinck, 2023].



предпринимаемая в (пост-)АСТ, уже требует дополнительного пояснения и обоснования легитимности подобного шага.

Латур: наука как политика

Известна фраза Латура об уподоблении науки политике, переведенная на русский язык как: «...наука есть не что иное, как продолжение политики иными средствами» [Латур, 2002, с. 29]. Используется ли политика здесь как метафора, позволяющая лучше прояснить суть научных практик, или же наука буквально приравнивается к политике? Выбранное для перевода английского причастия *pursued*⁸ слово *продолжение* отсылает к наличию континуальности между политикой, понимаемой как объект в русле стратегии 1, и наукой. Эта континуальность вычитывается и из других положений акторно-сетевой теории, таких как тезис о гетерогенности акторов, задействованных в производство научного знания, и отрицание разграничения в науке внутреннего «чистого» содержания и внешнего социального контекста. При этом наука и политика оказываются уже не просто двумя взаимосвязанными объектами, а фрагментами единой сложноустроенной сети разнородных акторов⁹.

В то же время представляется, что политика в приведенной выше фразе может трактоваться и в более метафорическом ключе – как исследовательский инструмент, высвечивающий определенные свойства научных практик, необходимые для проводимого Латуром анализа. В другом варианте перевода разбираемой фразы «наука есть не что иное, как политика, *проводимая* (курсив мой. – П.П.) иными средствами» акцент смещается на средства осуществления этой «политики», отличающиеся от средств политики буквальной. Одно из таких средств обозначается через очередное заимствование из политического дискурса: представительство. Ученые, по Латуру, выступают представителями исследуемых ими объектов, от имени и с молчаливого, но подкрепленного лабораторными данными согласия которых пишутся научные статьи и формулируются научные

⁸ В оригинале фраза звучит как “Science is politics pursued by other means” [Latour, 1983, p. 168].

⁹ В этом состоит одно из наиболее уязвимых мест акторно-сетевой теории: наука и политика, равно как и прочие домены социальных практик (религия, экономика и пр.), представленные как сети акторов, сливаются воедино до неразличимости. Убедительного обоснования различий между доменами социальной жизни в рамках АСТ дать не получается. Эта проблема заставила Латура впоследствии отойти от ранних версий своей теории и разрабатывать новый проект, призванный восстановить утраченные различия через введение разных режимов или модусов существования [Latour, 2013].



теории. Если представительство прошло удачно и ученым удается убедить широкую общественность в реальности своих представляемых, то эти «молчаливые» акторы активно включаются в более широкий круг социальных практик. Так, Пастера можно считать успешным «политиком», поскольку представляемые им бактерии и прочие микроорганизмы заняли прочные позиции в практиках гигиены, здравоохранения и ветеринарии. Перенос и трансформация концепции представительства ведет, в свою очередь, к переосмыслению понятия политики, которая также распространяется теперь и на нечеловеческих акторов, включенных наряду с гражданами-людьми в единый демократический социум.

Применение стратегии 2 в работах Латура оказывается более сложным, чем в примере с анархизмом Фейерабенда, поскольку понятия заимствуются из привычного контекста политики как сферы общественных отношений, отличной от науки, в принципиально иную плоскость, где различие науки и политики, равно как и людей и «не-людей», не является предзаданной онтологической реальностью. И такое переосмысление социальной онтологии в свою очередь модифицирует смыслы и функционирование как политики-инструмента, так и политики-объекта. Поэтому в более поздних работах Латура¹⁰ заимствованные из привычного политического дискурса категории переосмысляются и применяются в качестве аналитических инструментов как к науке, так и к политике. При этом политика предстает там уже в модифицированном виде, отличном от привычной ее буквальной ипостаси, более заметной в ранних работах Латура. И так же, как в случае с Фейерабендом, наблюдается игра двух режимов: дескриптивного в виде претензии на описание статус-кво («мы никогда не были современными») и прескриптивного (призывы отказаться от Конституции Нового времени, закрепляющей онтологические и эпистемологические границы). В итоге политический проект Латура балансирует между фактическим положением дел и утопичным образом постантропоценного мира, общего для всех гетерогенных акторов.

Онтологические политики: гибрид и его части

Понятие онтологических политик вводится Дж. Ло и А. Мол [Law, 2009; Ло, 2015; Mol, 1999; Мол, 2017] и представляет собой сложносочиненный гибрид. Две его составные части, онтологии и политики, очевидны. Однако это не все измерения гибридизации, заложенные

¹⁰ Например, «Политики природы» [Латур, 2018].



в данном понятии. В онтологических политиках также сочетаются друг с другом нормативный и дескриптивный режим, стратегия 1 и стратегия 2, и, как следствие, ипостаси политики как метафорико-аналитического инструмента и как совокупности практик управления и изменения реальности. Связующими звеньями всех этих смысловых частей онтологических политик служат нескольких ключевых концептов: перформативность, практики, множественность, на которых стоит остановиться подробнее.

Множественность выражает онтологические позиции, которых придерживаются проекты в традиции пост-АСТ. Специфика исследований, из которой вырастают эти онтологии, – их эмпирический характер. Акцент на частностях, внимание к конкретике, содержащейся в отдельных кейсах, предполагает ориентацию онтологических установок исследователя не на поиск структурных инвариантов или универсалий, а на восприимчивость к этой конкретике. Эмпирическую множественность фиксируют и не пытаются подвести под некие унифицированные категории, которые бы ее элиминировали. Этот методологический ход – отказ сводить наблюдаемое многообразие к чему-то единому и единственному – влияет и на принимаемую исследователем онтологию, в которой множественность становится главным свойством реального.

Онтологическая множественность осуществляется посредством различных групп практик, которые придают реальному процессуальный характер. Реальности производятся, осуществляются, оживляются, приводятся в действие (*are enacted*). Единство объекта обеспечивается взаимосвязанностью практик. Так, атеросклероз, разворачивающийся перед нами на хирургическом столе, в палате терапевта, в разговоре с пациентом или в ходе аутопсии, представляет в каждом случае особую реалию. Тем не менее все эти реалии достаточно тесно связаны друг с другом через практики и их акторов, чтобы принадлежать одному объекту как варианты его осуществления [Мол, 2017].

Перформативность наиболее подробно анализируется в книге Джона Ло «После метода» [Ло, 2015]. Название книги отсылает к Фейерабенду, однако в ней исследование методологии предлагается продолжить в режиме рефлексии, объектами которой становятся методы социальных наук. Главная черта метода – его активность, он предстает не средством пассивного описания реальности, а инструментом вмешательства в исследуемый объект. Исследование задает реальность, фокусируя свое внимание на одних реалиях и отодвигая в тень другие. Поэтому «метод неизбежно производит... конфигурации, имеющие политические следствия. Он производит конфигурации и сборки вещей (а также отчеты о них), которые могли бы быть иными» [Там же, с. 294]. Возможность быть иными для производимых методом онтологий, с одной стороны, влечет за собой политические следствия (ответственность за производимые реалии,



необходимость осознанного выбора между ними), с другой стороны, сама оказывается следствием привнесения в онтологию политического как метафорического инструмента ее описания и анализа. В результате обе части гибрида «онтологические политики» взаимно модифицируются. Скрещивая онтологию с политикой, мы отнимаем у первой ее предустановленный характер, открывая ее изменениям, вопрошанию, оспариванию [Mol, 1999, p. 75]. Политика же «оказывается явно перемешанной с творением реальности, а также с использованием метафор из области “воображаемого”» [Ло, 2015, с. 285].

Как и в случае с наследием научных войн в STS, политика здесь рассматривается как инструмент влияния, вмешательства, интервенции в реальное, т.е. как политическое измерение самих STS. При этом она остается концептуальным инструментом, однако с ее помощью анализируется и переосмысливается уже не только наука или политика, но и онтология в целом: и на уровне объекта, выявляемого в мире (онтология описывается как множественные реалии, реализуемые через практики), и на уровне философско-методологического ее осмысления (онтология выступает не как система глубинных и предзаданных структур бытия, а как описание принципа создания и функционирования эмпирически наблюдаемого многообразия).

Заключение: вызовы политического

В работах Фейерабенда две стратегии вовлечения политического в исследования науки и две соответствующие им ипостаси (политическое как объект или же как инструмент исследования) выделяются довольно четко. Далее, на примерах других работ STS, можно проследивать усложнения и модификации, которые получают эти стратегии, вступая в игру как друг с другом, так и с неявным политическим измерением самого исследования, с дескриптивным и прескриптивным режимами и т.д. Особенно ярко хитросплетение стратегий и взаимоналожение ипостасей политического проявляется в проектах, связанных с акторно-сетевой теорией. Само политическое в них разворачивается как множественная реальность, грани которой высвечиваются различными исследовательскими практиками.

В заключение стоит поговорить о вызовах, которыми сопровождается множественность политического в (пост-)АСТ и STS в целом. Ключевая проблема кроется в задействовании прескриптивного режима, свойственного политике, в рамках комплекса исследований, изначально позиционирующих себя как описательные проекты, без претензий на то, как *должны* быть устроены научные практики и научное знание. И хотя исследователи стремятся к осмыслению политических следствий STS (прежде всего непреднамеренных, как



в случае с научными войнами), остается неясным, в какой степени им удастся взять под контроль политический потенциал собственных проектов.

В частности, концепт онтологических политик предполагает ситуацию выбора между множественными реальностями. И хотя Мол подчеркивает, что политика здесь не сводится к обязательному выбору одного в ущерб другому¹¹, все же остаются ситуации, в которых выбор оказывается необходим. Даже исследование атеросклероза «подталкивает к вопросу о том, как множественное тело и его заболевания могут быть сделаны *хорошо*» [Мол, 2017, с. 36]. И на этот вопрос сама Мол ответа не дает, сознательно ограничивая свое исследование рамками дескриптивного режима (картографирование области, в которой данный вопрос может быть сформулирован). Возможно, однако, что баланс между дескриптивным и прескриптивным режимами необходим STS, чтобы, в свою очередь, не раствориться в политическом полностью и оставить за собой выделенную сферу интеллектуальных практик, осмысляющих политическое и выявляющих условия возможности его осуществления. Представляется, что именно такой сложнодостижимый баланс может быть гарантией легитимности привнесения политического в онтологию и эпистемологию.

Список литературы

Бажанов, 2023 – *Бажанов В.А.* Об истоках политической философии науки и аналитической философии // *Философия науки и техники*. 2023. № 1 (28). С. 5–19.

Бычкова, 2020 – *Бычкова О.В.* Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // *Социология науки и технологий*. 2020. № 3 (11). С. 7–21.

Касавин, 2015 – *Касавин И.Т.* Как возможна политическая философия науки? // *Эпистемология и философия науки*. 2015. № 3 (45). С. 5–15.

Латур, 2002 – *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Пер. с англ. П. Куслий // *Логос*. 2002. № 5–6 (35). С. 1–32.

Латур, 2017 – *Латур Б.* АСТ: вопрос об отзыве / Пер. с англ. Н. Кочинян // *Логос*. 2017. № 1 (27). С. 201–216.

Латур, 2018 – *Латур Б.* Политики природы. Как привить наукам демократию / Пер. с фр. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.

Ло, 2015 – *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.

¹¹ Множественные воплощения атеросклероза или клиническое и статистическое осуществление анемии не исключают друг друга, но разворачиваются в различных режимах: дополнение, следование, вложенность друг в друга и пр. [Mol, 1999].



Мол, 2017 – Мол. А. Множественное тело: Онтология в медицинской практике / Пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ); под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 254 с.

Фейерабенд, 2007 – *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007. 413 с.

Фейерабенд, 2010 – *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2010. 378 с.

References

Bazhanov, V.A. “Ob istokakh politicheskoy filosofii nauki i analiticheskoy filosofii” [On the origins of the political philosophy of science and analytical philosophy], *Philosophy of Science and Technology*, 2023, no. 1 (28), pp. 5–19. (In Russian)

Bychkova, O.V. “Issledovaniya nauki i tekhnologij (STS): chemu nauchili nas za 50 let?” [The STS Field: What Have They Taught Us in 50 Years?], *Sociology of Science and Technology*, 2020, no. 3 (11), pp. 7–21. (In Russian)

Collins et al., 2017 – Collins, H., Evans, R., Weinel, M. “STS as Science or Politics?” *Social Studies of Science*, 2017, no. 4 (47), pp. 580–586.

Feyerabend, 1980 – Feyerabend, P. “Democracy, Elitism, and Scientific Method”, *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 1980, no. 1 (23), pp. 3–18.

Feyerabend, P. *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society], trans. by A.L. Nikiforov. Moscow: AST, 2010. (Trans. into Russian)

Feyerabend, P. *Protiv metoda. Oчерk anarkhistskoj teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge], trans. by A.L. Nikiforov. Moscow: AST, 2007. (Trans. into Russian)

Gad, Jensen, 2010 – Gad, C., Jensen, C.B. “On the Consequences of Post-ANT”. *Science, Technology, & Human Values*, 2010, no. 1 (35), pp. 55–80.

Harman, 2014 – Harman, G. *Bruno Latour: Reassembling the Political*. Pluto Press, 2014.

Kasavin, I.T. “Kak vozmozhna politicheskaya filosofiya nauki” [How Is Political Philosophy of Science Possible?], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2015, no. 3 (45), pp. 5–15. (In Russian)

Latour, B. “AST: vopros ob otzyve” [On Recalling ANT], trans. by N. Kochinjan, *Logos*, 2017, no. 1 (27), pp. 201–216. (Trans. into Russian)

Latour, B. *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiju* [Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy], trans. by E. Blinov. Moscow: Ad Marginem Press, 2018. (Trans. into Russian)

Latour, 1983 – Latour, B. “Give me a Laboratory and I Will Raise the World”, in: K. Knorr-Cetina, M. Mulkay (ed.) *Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science*. Los Angeles: Sage, 1983, pp. 141–169.

Latour, 2013 – Latour, B. *An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns*. Harvard University Press, 2013.

Law, 1999 – Law, J. “After ANT: Complexity, Naming and Topology”, *The Sociological Review*, 1999, no. 1 (47) (suppl.), pp. 1–14.



Law, 2009 – Law, J. “Seeing Like a Survey”, *Cultural Sociology*, 2009, no. 2 (3), pp. 239–256.

Law, J. *Posle metoda: besporjadok i social'naja nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], trans. by S. Gavrilenko, A. Pisarev, P. Khanova. Moscow: Gaidar Institute Press, 2015. (In Russian)

Mol, 1999 – “Ontological Politics. A Word and Some Questions”, *The Sociological Review*, 1999, no. 1 (47) (suppl.), pp. 74–89.

Mol, A. *Mnozhestvennoe telo: Ontologija v medicinskoj praktike* [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice], trans. by the Cube of Pink group (MSU). Perm': Gile Press, 2017. (In Russian)

Oreskes, 2019 – Oreskes, N. *Why Trust Science?* Princeton University Press, 2019.

Seguin, Vinck (ed.), 2023 – Seguin, E., Vinck, D. (ed.). *Perspectives on Science. Special Issue on “Science is Politics by Other Means” Revisited*, 2023, no. 1 (31).

Shapin, Schaffer, 1985 – Shapin, S., Schaffer, S. *Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life*. Princeton University Press, 1985.

Sismondo, 2017 – Sismondo, S. “Post-truth?” *Social Studies of Science*, 2017, no. 1 (47), pp. 3–6.

Winner, 1993 – Winner, L. “Upon Opening the Black Box and Finding It Empty: Social Constructivism and the Philosophy of Technology”, *Science, Technology, & Human Values*, 1993, vol. 18, no. 3, pp. 362–378.